

УДК 94(571):342.553«1880/1890»

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.34>

Формирование региональных интересов центральных органов власти на этапе обсуждения сибирской губернской реформы конца XIX в.

А. В. Палин

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Аннотация. Рассматривается сибирская губернская реформа 1895 г. Ее результатом стало учреждение в губерниях Сибири высших административных органов власти – губернских управлений. Намеченные правительством преобразования губернской исполнительной власти Сибири выполняли как административно-управленческие, так и политические задачи в регионе. Общему присутствию губернского управления предстояло сосредоточить в своей компетенции рассмотрение на коллегиальных принципах важнейших административных вопросов в сибирских губерниях, а также занять место важнейшего совещательного органа при губернаторе. Автор, опираясь на архивные документы Российского государственного исторического архива, приходит к выводу, что в правительственных кругах реформе 1895 г. отводилась важная роль по модернизации сибирского губернского административного аппарата власти. Это особенно отчетливо проявлялось в отстаивании представителями разных органов государственной власти и управления своих отраслевых интересов в регионе. Тем самым они стремились сдерживать доминирующее влияние властных структур Министерства внутренних дел по реализации региональной политики и усилить позиции представителей своих ведомств на местах. Это получило детальное освещение в исследовании.

Ключевые слова: Сибирь, губернское управление, сибирская губернская реформа, местная власть, Государственный совет, министерство, губернатор, генерал-губернатор.

Для цитирования: Палин А. В. Формирование региональных интересов центральных органов власти на этапе обсуждения сибирской губернской реформы конца XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 26. С. 34–43. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.34>

Во второй половине XIX в. в правительственных кругах широкое обсуждение получила реформа административного губернского управления в Сибири. Однако так сложилось, что губернская реформа осталась практически не замеченной в среде российской общественности конца XIX в., а также дореволюционными, советскими и российскими исследователями. Ее освещение ограничивалось общими оценками и суждениями. Ранее нам приходилось об этом уже писать [4; 5]. Исключением являются труды А. В. Ремнева, в которых предпринимается анализ значения сибирской губернской реформы в контексте взаимоотношений центра и Сибири [6; 7].

Итогом реформы 1895 г. стало учреждение в сибирских губерниях новых высших правительственных административных органов власти – губернских управлений, подчиненных Министерству внутренних дел (МВД).

С административно-управленческой точки зрения это способствовало оптимизации сибирского губернского управления, заключавшейся в ликвидации «двойственности» управления между губернским советом и губернским правлением, упорядочивании делопроизводства, значительном сокращении губернского административного аппарата. В то же время сибирская губернская реформа носила и политическое значение. Ее реализация фактически приводит к окончательному разрушению общей системы сибирского административного управления, действующего на основании «Учреждения для управления Сибирских губерний» от 1822 г.¹

Эти изменения наметились еще в 1860-е гг., когда в Сибири произошло переустройство волостного, сельского и окружного (уездного) уровней местного управления в соответствии с действующими нормами в европейской части России. Затем на городское общественное управление были распространены принципы Городового положения 1870 г., позднее Городового положения 1892 г. В 1882 г. было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство, в 1887 г. – Главное управление Восточной Сибири. Подверглись изменениям учреждения финансового, судебного и других ведомств.

Тем самым, как правильно подметил В. И. Шишкин, на государственном уровне признается сам факт возможности создания «поливариантной системы управления» в Сибири [8, с. 9]. Нельзя не согласиться также с его мнением о том, что «два десятилетия на рубеже XIX–XX вв. прошли под знаком нового реформирования государственного управления Сибирью. На этот раз реформы вызывались не какой-то одной причиной (например, потребностями улучшения самого административного аппарата, фискальными, военными или геополитическими интересами), а диктовались совокупностью объективных обстоятельств общероссийского и сибирского характера. В их ряду большое значение имели соображения относительно новой роли Сибири в составе модернизируемой России и, что особенно важно, перспектив развития самой Сибири» [8, с. 10].

Фактом, свидетельствующим в пользу того, что сибирская губернская реформа конца XIX в. все-таки являлась далеко не рядовым событием, служит проявленный интерес к ней различных правительственных ведомств на стадии обсуждения проектов преобразования Комиссии при МВД под председательством бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири графа А. П. Игнатьева и иркутского генерал-губернатора А. Д. Горемыкина, а также Соображения члена Государственного совета статс-секретаря М. С. Каханова².

Представители разных властных структур, понимая будущее значение сибирских губернских управлений МВД в реализации правительственных задач в регионе, старались отстоять свои отраслевые приоритеты, поэтому стремились получить доступ к деятельности учреждений посредством введения в их состав подведомственных им на местах должностных лиц. Это, с

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVIII. № 29125. СПб., 1830. С. 345–394.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 60. Д. 48а. Л. 856–943, 990–993.

одной стороны, обеспечивало в определенной степени контроль за работой высшего административного органа власти, а с другой – позволяло сдерживать доминирующее влияние властных структур МВД в реализации региональной политики.

Проявленный интерес высших и центральных органов власти к сибирской реформе заключался еще и в том, что в ходе ее рассмотрения поднимался вопрос о возможности использования ее результатов в будущем для преобразования местного управления губерний европейской части России.

На заключительном этапе слушаний по проекту реформы в апреле 1895 г. в журнале Государственного совета было записано: «...соединенное присутствие (Государственного совета. – *А. П.*) не могло не заметить, что предлагаемое министром внутренних дел преобразование выдвигает другой, еще более обширный, вопрос. Проектированная реформа обещает получить значение не только местное для сибирского края, но и общее для центральной России»¹.

Такой позиции придерживался известный государственный деятель С. Ю. Витте. Он писал: «...уже в 1895 году Государственный совет, рассмотрев вопрос о преобразовании губернских установлений в Сибири, напоминал министру внутренних дел, что... реформа местного управления необходима не только для Сибири, но и для центральной России, и высочайше утвержденным 1 июня 1895 г. мнением представил министру внутренних дел подвергнуть подробному соображению вопрос об объединении губернских административных установлений в одном центральном губернском органе с тем, чтобы выработанные по соглашению с подлежащими ведомствами предложения по сему предмету были внесены на законодательное рассмотрение» [1, с. 190].

Этот вопрос получил освещение в совместной статье современных историков С. И. Любичанковского и И. А. Тропова. При этом авторы отметили: «Такая установка побудила к действиям министра внутренних дел И. Л. Горемыкина. Возглавляемое им ведомство на протяжении двух с половиной лет изучало опыт восточной части страны, а 12 февраля 1898 г. в специальном циркуляре губернаторам объявило о разработке аналогичной губернской реформы применительно к территории центральной России» [3, с. 311].

Однако С. Ю. Витте с сожалением отмечал: «На подробности программы (реформы местного управления в европейской части России. – *А. П.*) употреблено более трех лет времени и семь неполных страниц труда. Из этой программы видно, что цель реформы – не подъем авторитета губернаторской власти путем сообщения ей живого, активного участия в делах местного управления, не органическое объединение разрозненных и разном ведомственных органов этого управления, а простое чисто механическое соединение, сведение многочисленных, состоящих под председательством губернатора, отдельных присутствий в одну совокупность» [1, с. 191].

---

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 486. Л. 6.

Это дает косвенно ответ на вопрос, почему сибирская губернская реформа прошла не замеченной для российского общества рубежа XIX–XX вв. Смена в октябре 1895 г. И. Н. Дурново на посту министра внутренних дел И. Л. Горемыкиным имела далеко не последнее значение в судьбе реформы. Новое руководство министерства практически свело на нет ранее проведенную работу. В итоге разрабатываемая в правительственных кругах и достаточно серьезно обсуждаемая на протяжении восьми лет сибирская губернская реформа так и не получила дальнейшего своего продолжения в практике местного управления губерний, управляемых по «Общему учреждению губернскому». Поиск ответа на поднятый выше вопрос требует проведения дополнительной научно-исследовательской работы с архивными материалами.

С. Ю. Витте в своих воспоминаниях так охарактеризовал деятельность И. Л. Горемыкина на посту министра внутренних дел: «...в течение своего управления министерством бездействовал и не знал, куда ему идти, направо или налево» [1, с. 30].

Известно, что созданная в феврале 1903 г. особая комиссия под председательством министра внутренних дел В. К. Плеве для разработки программы преобразований губернского и уездного управления губерний европейской части России использовала опыт сибирской губернской реформы 1895 г. Это получило отражение в подготовленном комиссией проекте по предстоящей работе переустройства губернских учреждений¹.

Между тем в конце 1880-х – начале 1890-х гг. сибирской губернской реформе уделялось повышенное внимание со стороны целого ряда государственных структур. В частности, у отдельных центральных органов власти создавалась возможность в перспективе более успешно отстаивать ведомственные интересы в процессе обсуждения реформы местного управления в европейской части России, ссылаясь на опыт организации деятельности губернских управлений в Сибири.

На этапе обсуждения в Государственном совете сибирской административной реформы особый интерес вызвал вопрос будущего состава общего присутствия губернского управления и степени участия в его работе должностных лиц, служащих не по ведомству МВД.

Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов не мог согласиться с тем, что управляющие государственными имуществами в Тобольской и Томской губерниях будут приглашаться на заседания общего присутствия только по земельным и переселенческим делам, затрагивающим компетенцию его ведомства. Он настаивал на расширении прав управляющего государственными имуществами до статуса постоянного члена присутствия по всем делам.

В журнале Государственного совета его позиция была выражена следующими мыслями: «Ввиду расширившейся деятельности министерства (земледелия и государственных имуществ. – *А. П.*) и соприкосновения с этой деятельностью большей части возникающих в жизни Сибири и ее

---

¹ РГИА Ф. 1284. Оп. 185. Д. 56. Л. 297–298.

населения вопросов и явлений, было бы ... полезно предоставить указанному должностному лицу (управляющему государственными имуществами. – А. П.), подобно управляющему казенной палатой, участие во всех делах, подлежащих рассмотрению помянутых присутствий (губернских управлений. – А. П.), так как, например, вопросы об улучшении путей сообщения, о проложении новых путей, об устройстве местных ярмарок и многие экономические, финансовые и торговые вопросы, равно разрешению споров и недоразумений, возникающих из пользования казенною землею крестьянских обществ, неразрывно связаны с требованиями сельского хозяйства и земельными интересами населения, которые ближе всего должны быть известными лицами, поставленными во главе местных учреждений министерства земледелия и государственных имуществ»¹.

Министр внутренних дел И. Н. Дурново в открытую дискуссию с А. С. Ермоловым вступать не стал. Более того, в своих соображениях, подготовленных в ответ на замечания по губернской реформе, поддержал мнение министра земледелия и государственных имуществ о включении управляющего государственными имуществами в состав общего присутствия губернского управления на правах постоянного члена по всем вносимым в него делам. И. Н. Дурново, по-видимому, опасался испортить деловые отношения с А. С. Ермоловым, за спиной которого в это время ощущалась мощная поддержка министра финансов С. Ю. Витте. Кстати, именно по рекомендации Сергея Юльевича Александр III назначил А. С. Ермолова на пост министра.

На заседаниях Государственного совета 8 и 22 апреля 1895 г., когда принималось окончательное решение по сибирской губернской реформе, А. С. Ермолов отсутствовал. На первом заседании вместо него был товарищ министра юстиции, а на втором от ведомства никто не присутствовал².

При введении в действие закона сибирской губернской реформы в 1895 г. участие в заседаниях общих присутствий губернских управлений управляющего государственными имуществами, как, собственно, и управляющего казенной палатой, определялось крестьянскими и переселенческими делами, вопросами земских повинностей, общественного управления, народного продовольствия, «оспопрививания», общественного призрения и здоровья³. Примечательно, что на стадии рассмотрения проекта реформы в Государственном совете членство управляющего казенной палатой в общем присутствии губернского управления определялось участием по всем делам.

Интерес к проекту реформы проявили министры юстиции Н. А. Манасеин и его преемник Н. В. Муравьев. Во время руководства министерством Н. А. Манасеиным было принято решение о введении губернского прокурора в состав общего присутствия губернского управления на правах постоянного члена по всем рассматриваемым делам. Однако губернский прокурор

¹ РГИА. Ф.ПЗ. Журналы государственного совета и представления МВД. Т. 3. 1894–1899 гг. Л. 198.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 48б. Л. 3.

³ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XV. № 11757. СПб., 1899. С. 359.

лишался права просматривать журналы и протоколы будущего учреждения. Н. А. Манасеин согласился с предложением комиссии графа А. П. Игнатьева ограничить участие председателя губернского суда в заседаниях общего присутствия проектируемого учреждения только судебными делами. Стоит отметить, что председатель губернского суда на правах постоянного члена работал в составе губернского совета, который предстояло упразднить в результате сибирской губернской реформы¹.

Н. В. Муравьев, став министром юстиции, высказал возражения по проекту реформы. Он настаивал на введении прокурорского надзора за постановлениями губернского управления. В качестве аргумента министр юстиции ссылаясь на опыт деятельности губернских правлений европейской части России, где не были введены судебные уставы Александра II в полном объеме. В этих губерниях в соответствии со ст. 510 «Общего учреждения губернского» губернский прокурор был наделен правом просмотра постановлений губернских правлений, касающихся дел по преданию суду, назначению следствий, наложению административных взысканий, по сомнениям в низших присутственных местах в порядке производства, подсудности и толкования законов, по полицейским управлениям и т. д.²

Представляется интересным ответ И. Н. Дурново на доводы министра юстиции: «С уничтожением по проекту существующего разделения сибирского управления на общее и частное и с образованием из губернского совета и губернского правления одного губернского учреждения, означенное положение губернского прокурора не может не измениться. По отношению к губернскому управлению, которое представит собой такое же высшее в губернии присутственное место, как и губернский совет, за губернским прокурором казалось бы несоответственным сохранить то право надзора, которое принадлежит ему относительно подчиненного ныне губерньскому совету губернского правления»³.

В то же время И. Н. Дурново напоминал, что губернский прокурор на правах постоянного члена общего присутствия губернского управления имеет возможность участвовать в обсуждении всех дел, поступающих на его рассмотрение, и в случае несогласия может «подавать свое особое мнение на письме»⁴. И далее министр предлагает Государственному совету взамен участия губернского прокурора в рассмотрении и решении общим присутствием губернского управления дел, перечисленных в ст. 510 «Общего учреждения губернского», предоставить ему право просмотра по ним постановлений. Этим он полагал ограничить прокурорский контроль за делами губернского управления, отмечая, что «круг предметов, поименованных в

---

¹ РГИА. Ф. ПЗ. Журналы государственного совета и представления МВД. Т. 3. 1894–1899 гг. Л. 173–174.

² Свод законов Российской империи. Свод губернских учреждений. СПб., 1904. Т. 2, ч. 1. С. 46.

³ РГИА. Ф. ПЗ. Журналы государственного совета и представления МВД. Т. 3. 1894–1899 гг. Л. 205.

⁴ Там же. Л. 206.

ст. 510 Общего губернского учреждения, настолько обширный, что в большем еще расширении его едва ли встречается надобность»¹.

Аргументы министра внутренних дел были признаны членами соединенного присутствия Государственного совета убедительными. В результате губернский прокурор допускался к заседаниям в общем присутствии губернского управления по всем делам, за исключением дел, перечисленных в ст. 510 «Общего учреждения губернского». Тем самым И. Н. Дурново все-таки удалось ограничить контроль губернского прокурора за работой учреждения и еще раз подчеркнуть статус губернского управления как высшего правительственного органа власти в сибирских губерниях.

Столь скрупулезное обсуждение между министрами степени правового влияния губернского прокурора на деятельность будущего губернского управления имело обоснование.

В этом ключе показательны межведомственные отношения, которые сложились в Енисейской губернии. Их ярким эпизодом явилось «дело инженера Лопатто». В период пребывания инженера Лопатто в Енисейской губернии известно, что с 1887 по 1889 г. он вел исследование р. Ангары, заведовал туерным судоходством на реке под флагом А. М. Сибирякова. В октябре 1895 г., когда инженер руководил работами по улучшению судоходства по р. Ангаре, он был обвинен губернским прокурором в служебном преступлении. Тем временем инженер был переведен министерством путей сообщения на новое место службы. В январе 1897 г., когда Лопатто приехал в отпуск в г. Красноярск для выяснения обстоятельств возбужденного против него дела, ему было предъявлено постановление судебного следователя Куркутова о заключении его под стражу. Губернская администрация в лице и. д. енисейского губернатора В. Л. Приклонского, и. д. вице-губернатора А. Я. Зейделя и других чиновников губернского управления выступила в защиту Лопатто. Они выразили мнение о неправомерности выбранной в отношении инженера меры пресечения – заключения под стражу и просили ее заменить на домашний арест. Примечательно, что против изменения меры пресечения не возражал председатель губернского суда А. Н. Диатроптов. На аресте Лопатто настаивал товарищ губернского прокурора П. С. Троицкий. Инженер Лопатто обжаловал постановление о заключении его под стражу в губернском суде. Однако решение суда было «пропущено прокурорским надзором». Тогда губернское управление на правах высшего местного правительственного органа власти исполняет вынесенное решение суда. Товарищ губернского прокурора Л. А. Лукашевич опротестовывает действия губернского управления в Правительствующем сенате. В Министерство юстиции направляется жалоба на енисейского губернатора о его вмешательстве в распоряжение судебной-следственной власти².

Обстоятельства дела становятся темой переписки министра юстиции Н. В. Муравьева и министра внутренних дел И. Л. Горемыкина. Для выясне-

¹ РГИА. Ф. ПЗ. Журналы государственного совета и представления МВД. Т. 3. 1894–1899 гг. Л. 206.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 16. Л. 1–3.

ния содержания возникшего конфликта министр внутренних дел обратился к иркутскому генерал-губернатору А. Д. Горемыкину. В подготовленном 29 мая 1898 г. ответе министру внутренних дел иркутский генерал-губернатор отметил, что не видит в действиях и. д. енисейского губернатора В. Л. Приклонского «ни превышения власти, ни какого либо другого противопоставленного деяния»¹. При этом А. Д. Горемыкин указывал, что «скрытый антагонизм» между представителями ведомства министра юстиции и губернской администрации был спровоцирован еще губернским прокурором А. А. Сахаровым. Его он характеризовал как «человека крайне бестактного, несдержанного, с тяжелым и резким характером». По утверждению А. Д. Горемыкина, ситуация не изменилась при преемнике А. А. Сахарова на посту губернского прокурора – А. Н. Лубенцове. По мнению иркутского генерал-губернатора, «...губернский прокурор Лубенцов, слишком ревниво оберегая принципы не подчиненности прокурорской власти губернатору, в своих отношениях к последнему всячески старался оттенить свою равноправность, упростив с этой целью форму сношения до совершенного отсутствия общепринятой официальной вежливости, и допуская в своих бумагах общий тон и отдельные резкие выражения, характеризующие презрительное отношение к представителям высшей в губернии власти»².

Енисейская губерния являлась далеко не единственным примером, где наблюдались ведомственные конфликты между местными властными структурами МВД и Министерства юстиции. Поэтому на стадии обсуждения проекта каждое из министерств стремилось максимально отстоять свои интересы и правовой статус своих губернских учреждений и должностных лиц.

По составу общего присутствия проектируемого учреждения в Томской губернии высказал свои соображения министр императорского двора И. И. Воронцов-Дашков. По его мнению, в проекте недостаточно четко обозначался круг тех дел, по которым на заседаниях присутствия должен будет приглашаться представитель Алтайского горного округа. И. И. Воронцов-Дашков «...полагал бы необходимым ... заключения министерства внутренних дел изложить в такой редакции, которая не оставляла бы сомнений в том, что все дела, затрагивающие интересы Алтайского округа, рассматриваются губернским управлением при участии члена от названного округа»³. Министр внутренних дел И. Н. Дурново не увидел препятствий для внесения в проект закона изменений по содержанию замечания министра императорского двора. В то же время представитель Алтайского горного округа не получил правовой статус члена общего присутствия губернского управления.

Проявленный интерес центральных государственных ведомств к сибирской губернской реформе на этапе рассмотрения ее проектов в 1880-е – 1890-е гг. является хорошим свидетельством того, что преобразование губернской административной власти в Сибири воспринималось далеко не как

---

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 16. Л. 7 об.

² Там же. Л. 7 об. – 8.

³ РГИА. Ф. ПЗ. Журналы государственного совета и представления МВД. Т. 3. 1894–1899 гг. Л. 198.

рядовое событие в административно-государственной практике Российской империи. Развернувшиеся межведомственные обсуждения состава общего присутствия проектируемого учреждения и компетенции его отдельных чинов являются убедительным тому подтверждением. Ведь общему присутствию губернского управления предстояло сосредоточить в своей компетенции рассмотрение на коллегиальных принципах важнейших административно-хозяйственных вопросов в сибирских губерниях, а также занять место важнейшего совещательного органа при губернаторе.

Список литературы

1. *Vumte С. Ю.* По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914. II, IV. 376 с.
2. *Vumte С. Ю.* Воспоминания. Царствование Николая II. М. ; П. : Петроград, 1923. Т. 1. XLVII. 471 с.
3. *Любичанковский С. И., Тропов И. А.* Региональное управление России на изломе эпох: проекты административных реформ конца XIX – начала XX в. // Былые годы : рос. ист. журн. 2015. № 36(2). С. 309–318.
4. *Палин А. В.* Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. 188 с.
5. *Палин А. В.* Сибирская губернская реформа 1895 г. как отражение эволюции правительственной политики в Сибири [Электронный ресурс] // Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействия и конфликты (XVII – начало XX в.) : материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск : Ин-т ист. СО РАН, 2011. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/conf2011/palin-av.htm>.
6. *Ремнев А. В.* Губернская реформа 1895 г. в Сибири // Проблемы отечественной истории. Омск, 1992. С. 41–46.
7. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск : ОмГУ, 1997. 252 с.
8. *Шишкин В. И.* Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // Власть и общество в Сибири в XX в. : сб. науч. ст. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2010. Вып. 2. С. 3–36.

Formation of Regional Interests of Central Authorities at the Stage of Discussion of the Siberian Provincial Reform in the Late XIX Century

A. V. Palin

Kemerovo State University, Kemerovo

Abstract. Siberian provincial reform of 1895 is considered in the article. This reform produced the establishment of the highest government administrative authorities (provincial departments) in the provinces of Siberia. The government transformation of the provincial executive power of Siberia performed both administrative and political challenges in the region. General Presence of the Provincial Government had to concentrate in its competence the consideration of the most important administrative issues in the provinces of Siberia on collegial principles and also had to take up the position of the most important deliberative organ under the governor. Relying on documents of the Russian State Historical Archive, the author concludes that the reform of 1895 was assigned an important role in modernization of the Siberian provincial administrative apparatus in government circles. It was especially shown in upholding branch interests by representatives of different bodies of state power and governance in region. There-

by they aspired to limit a dominant influence of power structures of the Ministry of internal Affairs in realization of regional policy and strived for strengthen the positions of representatives of their departments in the field. It received detailed coverage in the research.

Keywords: Siberia, provincial department, Siberian provincial reform, local authority, State Council, ministry, governor, governor-general.

For citation: Palin A.V. Formation of Regional Interests of Central Authorities at the Stage of Discussion of the Siberian Provincial Reform in the Late XIX Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2018, vol. 26, pp. 34-43. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.34> (in Russian)

References

1. Vitte S.Iu. *Po povodu neprelozhnosti zakonov gosudarstvennoi zhizni* [About the immutability of the laws of the state of life]. Saint-Peterburg, 1914, II, IV, 376 p. (in Russian)
2. Vitte S.Iu. *Vospominaniya. Tsarstvovanie Nikolaya II* [Memory. The reign of Nicholas II]. Moscow, Petrograd, Petrograd Publ., 1923, vol. 1. XLVII, 471 p. (in Russian)
3. Liubichankovskii S.I., Tropov I.A. Russia's Regional Governance at the Change of Epochs: Administrative Reform Drafts in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Bylye gody* [Bylye Gody], 2015, vol. 3, no. 2, pp. 309-318. (in Russian)
4. Palin A.V. *Tomskoe gubernskoe upravlenie (1895-1917 gg.): struktura, kompetentsiya, administratsiya* [Tomsk provincial administration (1895-1917): structure, powers, administration]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004, 188 p. (in Russian)
5. Palin A.V. Siberian provincial reform of 1895 as a reflection of the evolution of government policy in Siberia]. *Gosudarstvennye i obshchestvennye struktury v Sibiri: vzaimodeystviya i konflikty (XVII – nachalo XX veka): materialy vsrossiiskoi nauchnoi konferentsii* [State and public structures in Siberia: interactions and conflicts (XVII – Early XX Centuries). Materials of ALL-Russian scientific conference]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN Publ., 2011. Available at: <http://sibistorik.narod.ru/project/conf2011/palin-av.htm> (accessed 28.06.2017).
6. Remnev A.V. Provincial Reform of 1895 in Siberia. *Problemy otechestvennoi istorii* [Problems of domestic history]. Omsk, 1992, pp. 41-46. (in Russian)
7. Remnev A.V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov* [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX – early XX centuries]. Omsk, Omsk State University Publ., 1997, 252 p. (in Russian)
8. Shishkin V.I. The state administration of Siberia in the late XIX – first third XX century]. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sbornik nauchnykh statei* [Power and society in Siberia in the 20th century. Collection of scientific articles]. Novosibirsk, RITs NGU Publ., 2010, no. 2, pp. 3-36. (in Russian)

Палин Алексей Владимирович
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории, философии
и культурологии
Кемеровский государственный
университет
Россия, 650056, г. Кемерово,
б-р Строителей, 47 (корпус 7)
тел.: 8 (3842)39-68-41
e-mail: a-palin@mail.ru

Palin Aleksei Vladimirovich
Candidate of Sciences (History), Assistant
Professor, Department of History,
Philosophy and Culturology
Kemerovo State University
47 (building 7), Stroitelny Boul., Kemerovo,
650056, Russian Federation
tel.: 8(3842)39-68-41
e-mail: a-palin@mail.ru